

На правах рукописи

Матиев Магометбашир Адамович

ИНГУШСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ЭПОС ИЛИ

Специальность-10.01.09. Фольклористика

Автореферат

**диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

Нальчик-2004

Диссертация выполнена на кафедре ингушской филологии
Ингушского государственного университета.

Научный руководитель: кандидат филологических наук, профессор

Дахкильгов Ибрагим Абдурахманович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук

Ципинов Арсен Амербиевич

кандидат филологических наук, доцент

Садулаев Борис Саидович

Ведущая организация: Адыгейский государственный университет

Защита диссертации состоится 4 июня 2004 года в 10.00 часов
на заседании Диссертационного Совета Д.212.076.04 по защите
диссертации на соискание ученой степени доктора филологических
наук в Кабардино-Балкарском государственном университете им.
Х.М.Бербекова (360004, КБР, г.Нальчик, ул.Чернышевского, 173).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кабардино-
Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова
(360004, КБР, г.Нальчик, ул.Чернышевского, 173).

Автореферат разослан «24» апреля 2004 года.

Ученый секретарь

Диссертационного Совета

 А.Р.Борова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В данной работе впервые предпринята попытка комплексного исследования ингушского песенного эпоса или, поскольку до настоящего времени освещались лишь его отдельные проблемы. Данное исследование призвано содействовать многоаспектному изучению народной песенной культуры ингушей в ее связях с историей, духовной и материальной культурой, психологией, ментальностью. На рассмотрение выносятся вопросы соотношения эпоса и действительности, проблема историзма эпоса, особенности его художественного языка, вопросы поэтики и характеристика современного состояния жанра.

Основной целью данного исследования является разностороннее рассмотрение важнейших вопросов ингушского песенного эпоса или.

В соответствии с этой целью в исследовании ставятся следующие **задачи**:

- характеристика и анализ сюжетики ингушского песенного эпоса;
- изучение основных его образов;
- анализ проблемы историзма;
- анализ особенностей художественного языка эпоса;
- характеристика современного состояния жанра.

Источниковая база. Многие героико-эпические песни ингушей по различным причинам до сих пор не были предметом изучения исследователей. Так, например, тексты, записанные М.Джабагиевым, были доступны лишь зарубежным исследователям, т.к. в Советском Союзе этот человек считался врагом режима. Ряд текстов выявлен в архивах лишь недавно

(«Князь», «Песня о Чербыже», «Смерть Мехти-Идриса» и др.), некоторые из них до сих пор не опубликованы. К ним можно отнести и тексты, записанные около ста лет назад Ф.Горепекиным, которые представляют большой интерес для науки. Несколько записанных им малоизвестных текстов, которые впервые вводятся в научный оборот в данной работе, были любезно предоставлены в наше распоряжение краеведом Б. Газиковым.

Впервые ингушские песни на ингушском языке были записаны М.Э. Джабагиевым в конце XIX-го - начале XX-го века при помощи созданного им самим ингушского алфавита на основе латинской графики. Позже они были опубликованы в различных изданиях, самым значительным из которых является изданный в 1935 году в Париже сборник произведений ингушского фольклора "Ингушские народные тексты" на ингушском и французском языках (перевод Ж.Дюмезиля). В 1940-м году молодые писатели и фольклористы Хамзат Осмиев и Хаджи-Бекир Муталиев опубликовали несколько ингушских или в сборнике "Ингушский фольклор" ("Палгай фольклор"). С тех пор или несколько раз издавались на ингушском и русском языках.

Новые записи ингушских героико-эпических песен были произведены в последние десятилетия З.Албогачиевой, М.-Г.Аушевым, И.Дахильговым, А.Мальсаговым, Д.Картоевым, СПатиевым, А.Танкиевым, МХалухоевым и другими. Ряд записей песен с заметными признаками разрушения жанра произведен нами во время фольклорных экспедиций в ингушские села в 1997-2003 г.г.

К сожалению, этот эпос до последнего времени оставался в различных сборниках ингушского фольклора изданий 1932, 1940, 1959, 1967,1991,1998, 2001 и 2002 годов, а также в некоторых

архивах. В ходе написания данного диссертационного исследования нами составлен на ингушском языке весь доступный свод илли, который был опубликован в 2002 году (см. «Ингушские героические песни» (на инг. яз.). Сост. М.А.Матиев. Магас, 2002).

Методологической основой диссертационного исследования являются важнейшие теоретические положения, выдвинутые С.Н.Азбелевым, А.Н.Веселовским, В.М.Гацаком, У.Б.Далгат, В.М.Жирмунским, Е.М.Мелетинским, ВЛЛроппом, Б.Н.Путиловым и другими известными исследователями фольклора.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые предпринята попытка комплексного историко-сравнительного исследования ингушского песенного эпоса илли.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в дальнейшей разработке одной из актуальных проблем современной фольклористики- проблемы соотношения героического эпоса и действительности, вопросов поэтики, современного состояния жанра, а также в том, что вводимый в научный оборот материал ингушского фольклора позволяет с большей полнотой осветить некоторые общетеоретические проблемы изучения эпоса народов Кавказа и Российской Федерации.

Научно-практическая значимость. Среди многих проблем современной ингушской фольклористики одной из значительных является отсутствие комплексного монографического исследования ингушского песенного героического эпоса. Решению этой проблемы и посвящен данный труд, автор которого надеется, что он станет скромным вкладом в северокавказскую фольклористику, поможет в выявлении общих для кавказского региона и типологических особенностей. Илли являются богатым информативным источником для историков, этнографов,

этнопсихологов, языковедов. Представляется, что данная работа поможет специалистам разных смежных областей науки обратить пристальное внимание на данный жанр фольклора. В связи с этим автор обращает внимание на то, как в или отражены важнейшие исторические события, показаны выдающиеся личности, а также характер взаимоотношений героев, этические нормы, адаты, одежда, жилище, пища и многое другое.

Известно, что на становление и развитие ингушской литературы, как и литератур других народов, благотворное влияние оказало устное народное творчество. Особенно это относится к письменной поэзии. Также общеизвестно, что к освоению накопленных народом устных художественных традиций надо подходить творчески, разумно и в меру сочетая традиционное и новаторское.

Вместе с тем, как показывает практика, ингушская письменная поэзия слишком рано стала отдаляться от многовековых народных традиций, что можно объяснить спецификой периода ее становления. Богатый и многообразный мир поэтики народного творчества всё ещё остаётся без должного внимания со стороны ведущих ингушских поэтов. Изучение поэтики героико-эпических песен призвано помочь местным поэтам в дальнейшем совершенствовании их поэтического мастерства. В этом заключается одна из важных практических задач данного исследования.

Степень разработанности - проблемы. Изучение ингушского фольклора лишь в последние десятилетия стало привлекать к себе подлинно научный интерес. До 1920-х годов записывали и пытались изучать ингушский фольклор лишь отдельные любители-одиночки.

С открытием в 1926-м году во Владикавказе Ингушского научно-исследовательского института краеведения устное народное творчество ингушей стало записываться и изучаться более активно учеными, писателями и другими представителями молодой интеллигенции, такими как Заурбек Мальсагов, Тембот Беков, Абдул-Вагап Аушев, Лоре Ахриев, Зархмат Измаилов и другими.

В период депортации ингушского народа (1944-1957 г.) не могло быть речи о фольклорных записях, публикациях и исследованиях. После возвращения народа на Родину, т.е. с 1957 г., началось оживление в его культурной жизни. Запись и изучение ингушского фольклора начинают приобретать целенаправленный характер.

Нартский эпос исследовали Ахмет Мальсагов и Уздиат Далгат, ингушская сказка стала объектом изучения Лидии Танкиевой, Абу Мальсагова и Бориса Садулаева, мифам, легендам и преданиям посвятил свои исследования Ибрагим Дахкильгов, эстетика ингушского фольклора была изучена Абукармом Танкиевым. Однако лирическим и лиро-эпическим жанрам, включая жанр илии, как нам представляется, фольклористами уделялось значительно меньше внимания.

Вместе с тем следует отметить, что изучению различных вопросов, касающихся илии, посвятили свои работы Я.Ахмадов, Е. Белецкая, Я. Вагапов, И. Дахкильгов, З. Мальсагов, Д. Мальсагов, И.Мунаев, Х. Ошаев, Б. Садулаев, А. Танкиев, А.Халидов, Р.Ужахова, Д.Чаккиев и другие исследователи. Они касались проблем зарождения и развития эпоса (Х.Ошаев, Д.Мальсагов, Б.Садулаев), образа эпического героя (И.Дахкильгов, Я.Вагапов, З.Мальсагов), женских образов (Е.Белецкая, Р.Ужахова), образа коня и оружия героя (Я.Ахмадов, Д.Чаккиев), некоторых особенностей художественного

языка (И.Мунаев, А.Халидов).

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационной работы доложены и обсуждены на научных и научно-практических конференциях: «Ингушетия на пороге нового тысячелетия» (Назрань, 2000), «Вузовское образование в современных условиях» (Магас, 2000), «Северный Кавказ: геополитика, история, культура» (Ставрополь, 2001), «Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность» (Карачаевск, 2001), «Мурад Базоркин и ингушская историческая наука» (Магас, 2002), «Современные подходы в исследовании проблем истории и языка ингушского народа» (Магас, 2002), а также отражены в четырнадцати публикациях автора.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры ингушской филологии Ингушского государственного университета и рекомендована к защите. Работа также обсуждена на расширенном заседании кафедры русской литературы Кабардино-Балкарского государственного университета (апрель 2004).

Структура диссертационного исследования состоит из введения, двух глав (состоящих из семи параграфов), заключения, информации о сказителях и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и научная новизна работы, дается изложение теоретических и методологических принципов исследования, раскрываются его цели и задачи, определяется его теоретическая и практическая значимость.

Глава первая «Основные сюжеты и образы ингушского песенного эпоса илии» состоит из четырех параграфов. Говоря о

сюжетике ингушского песенного эпоса, следует отметить, что при наличии ряда общекавказских черт его сюжетные темы имеют много специфических, национальных особенностей. Как и в эпосе большинства народов Северного Кавказа, в сюжетике или можно выделить несколько главных разделов: противопоставление мира эпического героя «чужому» миру, т.е. миру эпических врагов; эпический кодекс чести; победа эпического героя над «чужим» миром.

На многочисленных примерах автор показывает, что одной из главных идей ингушских или является идея консолидации этноса, общества, общины или же беднейших, социально обездоленных слоев.

Илли могут начинаться с запева, но чаще песни сразу же вводят слушателя в действие. Затем идет описание побудительной причины, заставляющей героя идти на подвиг, детально описываются приготовления в путь, следует встреча с врагом, бой, победа или героическая гибель. Гибель эпических героев также символизирует победу над "чужим" миром.

В песнях об отбитых набегах ингушский герой защищает "свой мир" от нападений иноземных феодалов. Враг нападает на село, где живет эпический герой, с целью ограбить его, отобрать у него жену (или любимую), сделать его своим рабом или узденем и т.д. В песнях о кровной мести герой мстит врагу за убийство родных (обычно - отца героя), пленение или оскорбление их. Причем, ограбление также расценивается скорее как оскорбление.

Если эпический герой всю привезенную после набега на владения феодалов добычу раздает обездоленным, если эта добыча взята в открытом и честном бою, то она считается "белой", т.е. чистой, благородной добычей. В песнях особенно идеализируются герои,

отправляющиеся в поход за "белой" добычей, и всячески высмеиваются предводители набеговых дружин, присваивающие себе добычу, "предназначенную" сиротам, вдовам, беднякам. При этом, как отмечает У.Далгат, набег служит лишь фоном, на котором показаны герои, тем сюжетным двигателем, который передает их беспредельное мужество.

В песнях о "добывании" или возвращении уведенной невесты или жены эпического героя подразумевается, что девушка, на поиски которой отправляется герой, "предназначена" ему. Обычно герой "добывает" невесту в "чужом", враждебном мире, что является символом победы "своего" мира. Как отмечает В.Пропп, на основной сюжет, добычу жены для себя, наслаивается и становится внутренне необходимым мотив спасения другого человека. Герой уже не только добывает жену, он становится защитником обездоленных, что мы видим и в ингушских илли.

Значительная часть ингушских эпических песен имеет контаминированные сюжеты («Бексултан Борганов», «Сын Горного Стража», «Гяла Гэйтак» и др.). Как правило, эти контаминации имеют творческий характер и образуют художественные единства.

Во втором параграфе речь идет **об эпических героях и эпических врагах**. Центральным, главным героем ингушских илли является обездоленный герой ("дакъза кІант") или известный предводитель ("кІантий баьчча"). Образ предводителя может быть как положительным, так и отрицательным. Обездоленный же герой во всех без исключения песнях показан не просто положительным, но и идеальным героем.

Основными признаками обездоленности эпического героя являются его одиночество, бедность, слишком юный возраст.

Как отмечают многие исследователи (З.Мальсагов, Х.Ошаев, Я.Вагапов и другие), на определенном этапе развития ингушского общества родовые пережитки, межклановая борьба стали фактором, разобщающим сельскую общину, ослабляющим ее в борьбе с внешней опасностью. Очевидно, что в этих условиях идеализация общенационального, не принадлежащего конкретному роду героя была "требованием" всего общества. Поэтому в илли не указывается родовая принадлежность идеального героя и всячески подчеркивается его социальная обездоленность.

Много общего с образом обездоленного героя имеют образы известных предводителей набеговых дружин (бяччи), которых иногда называют просто знаменитыми мужчинами («цИи хеза кьонахий»).

Если «свой» мир и его защитники в ингушском эпосе всячески идеализируются, то представители «чужого» мира являются их противоположностью. Эпический герой предстает нравственно чистым, благородным, смелым, умеренным в пище, эпический же враг коварен, труслив, пренебрегает нравственными нормами мира эпического героя, предается чревоугодию и пьянству.

Одной из главных отличительных черт эпического героя от эпического врага является социальное одиночество первого. Эпический враг имеет много сторонников или подчиненных, он во всех песнях показан богатым человеком, в то время как эпический герой может быть и состоятельным и, чаще всего, очень бедным. Первый всегда показан алчным, стремящимся к наживе любой ценой, а эпический герой независимо от того, беден он или богат, всегда является щедрым.

У эпического врага много общего с известным предводителем набеговых дружин. Часто предводитель также показан алчным, трусливым, слишком гордым и заносчивым. В песнях, где

предводитель является отрицательным персонажем, главным действующим героем является обездоленный герой.

Главной отличительной чертой эпических героев является их соответствие комплексу личных качеств, воплощающему исторически сложившиеся народные идеалы героизма.

Третий параграф посвящен женским образам. Значительное место в героико-эпических песнях ингушей уделено образам матери, верной жены, невесты, любимой и сестры героя. В этих образах отражены идеалы этических и эстетических представлений ингушского народа.

Одним из самых популярных персонажей ингушского героического эпоса является Жер-баба (или Жер-нана, т.е. вдовья мать), одинокая вдовья старуха, обладающая провиденциальным даром, являющаяся хранительницей моральных устоев, символизирующая мудрость и благородство. Она помогает эпическому герою совершить подвиг (а во многих песнях - побуждает героя совершить подвиг), одолеть врага, выдержать испытания, помогает ему советом, наставляет на верный путь. Она же часто является матерью обездоленного героя. Как пишут И. Дахкильгов, А.У.Мальсагов, Р.Ужахова и другие исследователи, образ Жер-бабы весьма древен.

Но и в позднем эпосе, как отмечает Б.Путилов, мать воплощает понятия дома, рода, семьи, именно она часто открывает сыну важное, но ему неизвестное, дает мудрые советы, предупреждает об ожидаемых опасностях, дает нужное оружие, а после битвы излечивает его от смертельных ран. На ее же долю выпадают эмоциональные переживания, оплакивание погибших, принятие вестей о поражениях и т.п.

Кроме того, мать выступает и в роли нравственного судьи, является выразительницей мнения общества. Она следит за тем, чтобы

моральные, нравственные, этические нормы общества, эпический кодекс чести соблюдались сыном.

Большая роль в ингушских героических песнях отводится образам жены, невесты, возлюбленной и сестры героя. Они часто выступают активными эпическими фигурами. В песнях сестра героя идеализируется, участвует в битвах, вызывает врага на поединок и мстит за убитого брата. В песне «Шахмурза Дзейтов» («Зайта Шахмарза») жена героя фактически является главным действующим лицом. Благодаря ее верности, находчивости и смелости ее мужу удается не только спасти свою жизнь, но и вернуться домой победителем.

Наряду с образом обездоленного героя очень популярен в ингушских илли образ обездоленной девушки. Девушка, не имеющая братьев, которые могли бы ее защитить, вынуждена самоутверждаться при помощи оружия, мужества, отваги, воинского искусства, становится девой-воительницей.

Успех героя в бою во многом зависел и от его главных и самых надежных "товарищей" - **коня и вооружения**. В ингушских песнях им уделено внимания больше, чем описанию самого боя. Бой во многом рисуется стереотипно и менее всего прочего соответствует действительности, в то время как подготовка к бою коня, оружия и доспехов описываются детально, подробно и красочно.

Илли не знают героя без боевого скакуна (гила, ды). Герой разговаривает с конем, как с товарищем, советуется с ним, поверяет ему свою судьбу, наделяет его превосходными эпитетами, холит и лелеет его, лишь раз в год позволяет себе ударить коня плеткой. В бою конь не только способствует совершению подвигов эпическим героем, но и сам становится участником боя. Как отмечает Я. Ахмадов, "кИант" (герой, молодец) и его боевой конь - это

своеобразная героическая пара, которая в большинстве случаев сосредотачивает основное сюжетное развитие песни.

В одном из вариантов песни «Вдовий сын Жовсарко и князь Тепсарко», записанном Ф. Горепекиным, верный конь так долго плачет над телом убитого врагами эпического героя, что слепнет.

Связь между конем и его хозяином настолько неразрывна, что гибель коня, как пишет РЛипец, лишает героя силы внутреннего сопротивления, хотя срок жизни коня биологически примерно втрое короче, чем у человека.

В песнях («Сын старой вдовы», «Чож Марзаганов» и других) герой возвращается с битвы с победой, но он и его конь получили тяжелые раны. Герой живет до тех пор, пока жив его конь, и умирает сразу же после получения известия о смерти коня. "Родившая меня мать, если он умрет, и я умру, если он избежит смерти, и я буду жить," - говорит герой.

Наиболее часто упоминаемое в песнях оружие героя - это кремневое ружье - мажар. Из холодного оружия песенные герои предпочитают высококачественные, знаменитые марки мечей и сабель: из "барсовой" стали (цЮкьболат) и "ревущей обезьяны" (терсмейл). Есть в песнях упоминания о кремневых пистолетах, порохе и свинцовых пулях.

Есть научные данные о том, что уже в XV-XVI вв., т.е. в период зарождения жанра или, ингуши были знакомы с огнестрельным оружием. Появление (с берегов Черного моря, из Крыма, Турции, Кабарды, Дагестана и Грузии) и распространение огнестрельного оружия (вначале фитильного, а затем и кремневого) в Ингушетии, считает исследователь Д. Чахкиев, происходит не позднее конца XV-начала XVI в. Постепенно ингушские оружейники наладили и

собственное производство огнестрельного оружия, изготовление разнотипного пороха, добычу свинца для пуль.

И.Джабраилова, Б.Евлоев, Х.Мамаев, Д.Чахкиев и другие исследователи отмечают, что в позднем средневековье в ингушском обществе стали выделяться военная знать и боевые дружины, занимавшиеся преимущественно воинскими акциями и охранными мероприятиями. Они имели дорогие комплекты воинского снаряжения, необходимые навыки и специальную военно-физическую подготовку. Именно они, их удаль, молодечество, героизм и благородство воспеваются и идеализируются в илли. А вместе с героем воспеваются его конь и оружие.

Глава вторая «**Ингушский песенный эпос илли и действительность**» состоит из трех параграфов. В первом параграфе рассматривается **проблема историзма** жанра. Его расцвет приходится на период, который Б.Путилов определил как "эпическую эпоху". Эта эпоха характеризуется наличием эпической среды и живой эпической традиции, "военной демократии", "эпическим" характером жизни народа.

Сам героический эпос развивается и бытует до тех пор, пока он "нужен" эпической среде. При постоянных войнах и набегах, постоянном ожидании опасности, постоянной готовности отразить нападение враждебных соседей или же самим совершить на них набег эпическая среда "требует" создания и бытования героико-эпических песен, воспевания и идеализации культа молодечества, удальства, геройства. Как отмечает А.Ахлаков, суровая жизнь горцев, полная внешних и внутренних опасностей и тревог, требовала от членов общества высоких боевых качеств, и народная поэзия, являясь мощным средством воспитания, воспевала и утверждала идеал мыслимого в данную конкретно-историческую эпоху героя.

Возникновение и бытование ингушских илли явилось результатом не только эволюции и трансформации предшествовавших им других, более архаических, типологических состояний, но и было обусловлено конкретными историческими условиями. Фольклор любого народа "вынужден" черпать материал для создания сюжетов и образов из реальной жизни, а она в "героический век", в "эпическую эпоху" "требует" создания культа героизма, молодечества, идеального с точки зрения эпической среды поведения личности, воспевания героя, всегда "заряженного" на борьбу с эпическим врагом.

Эпическая среда воспринимает эпос как действительную историю. Главная задача эпоса заключается не в том, чтобы в точности сообщить нам исторические факты, а в том, чтобы передать реальную атмосферу, дух того времени, дать нам почувствовать отношение народа к историческим событиям, к защитникам "своего" мира и представителям "чужого" мира. Как пишет С.Азбелев, устный эпос очень редко сохраняет точность фактических деталей, но у него есть другое важное преимущество: эпос может хранить веками без радикальных изменений ту обобщенную оценку сущности события, которая отложилась в сознании широкой общественной среды.

Если представители и защитники "своего" мира получают такие эпитеты как "цветом сияющий" ("бос лепа") или "сердцем отважный" ("дог майра"), то представители "чужого" мира даже цветом своего лица олицетворяют зловещие, темные силы. Герой, войдя к шамхалу или мурзе, видит, что у того "лицо чернее, чем сердце". Как отмечает А.Гутов, контрастность добра и зла отражена в цветовой символике соответственно сопоставлением светлого и темного, на фоне чего четко обозначается оппозиция "белое-черное" или "свет-тьма".

Во втором параграфе анализируются **особенности художественного языка** жанра. В отличие от народных лирических песен, стих или более строг, сами стихи более протяженны и торжественны. Особенности стихосложения или наиболее полно изучены З.Мальсаговым. В или много эпитетов, имеются сравнения и метафоры, поэтические формулы и типичные места, много повторов, которые помогают эпическому певцу лучше запомнить текст.

Одним из художественных приемов эпоса является гиперболизация. Как отмечает А.О.Мальсагов, наиболее часто гипербола употребляется в портретной характеристике героев, его оружия, силы, удали.

Большую часть текста в песнях занимает прямая речь. Чтобы подчеркнуть презрительное отношение одного песенного персонажа к другому (князя - к простым крестьянам или эпического героя - к врагам), заменяется классный показатель в-д на й-й.

К числу основных элементов изобразительно-выразительной системы поэтических средств ингушского песенного эпоса или относятся эпитеты. Как отмечает А.Халидов, они способствуют изображению в динамическом состоянии песенных героев и их действий, делают речь персонажей образной и поэтически насыщенной, помогают сказителям выразить чувства и переживания героев. Все эпитеты прямо или опосредованно служат идеализации эпического героя.

В третьем параграфе рассматривается **современное состояние жанра**. Во второй половине XIX века в результате изменения общественно-политической ситуации в Ингушетии, развития в ней капиталистических отношений, частых карательных экспедиций царских войск в ингушские села, насильственных переселений,

наложения непомерных штрафов и других акций, направленных против традиционного уклада жизни ингушей, произошел слом общественного сознания, сильно изменились психология, менталитет, иерархия системы ценностей значительной части ингушского народа. В результате этого уже к концу XIX века началось исчезновение ингушской эпической среды и стремительное угасание жанра героико-эпических песен ингушей.

Во второй половине XIX века значительная часть поэтических средств ингушских героико-эпических песен стала «обслуживать» песни религиозного содержания назам. В конце XIX - начале XX в.в. среди ингушей все чаще начинают бытовать песни об абреках, разбойниках, народных мстителях, в финале которых песенный герой обычно погибает, более популярными становятся песни с трагическим финалом, навеянные пессимизмом и безысходностью.

Часть сюжетов, мотивов и поэтических формул ингушского песенного эпоса или перешла в жанр шуточного сватовства зоахалол. Известно, что появление пародийных мотивов это один из признаков завершения творческого этапа в жизни героического эпоса. Эти признаки особенно заметны в жанре зоахалол, где «герой», которого перед этим долго прославляли, вдруг предстает антиподом эпического героя. То же самое можно сказать о величальных и приветственных песнях («Хестора иллеш» и «Моаршала иллеш»). Значительная часть ингушских героико-эпических песен трансформировалась в сказки, сказания и предания.

В настоящее время процесс затухания ингушской героико-эпической традиции можно считать завершенным: в ходе фольклорных экспедиций в ингушские села удается записать крайне ограниченное количество песен. В основном, это прозаическое

изложение забытой сказителем песни или "вторичный фольклор», т. е., попытка устного пересказа опубликованных ранее песен.

В заключении данного исследования делаются обобщения и выводы, намечаются дальнейшие перспективы изучения данной темы.

1. Ингушский песенный эпос илли вобрал в себя лучшие традиции и поэтические средства предшествующих форм ингушского фольклора. Это отражается на типах персонажей, на эпическом контексте, на характере художественной структуры сюжетов, на особенностях художественного языка.

2. Сюжетика ингушского песенного эпоса характеризуется наличием небольшого числа основных тем, сюжетов и мотивов при многообразии вариаций. Значительная часть ингушских илли имеет контаминированные сюжеты. Эти контаминации носят творческий характер.

3. Главным героем илли является обездоленный юноша («дакъзаза кІант») или известный предводитель («кІантий баъчча»). Образ предводителя может быть как положительным, так и отрицательным, обездоленный же герой во всех без исключения песнях показан не просто положительным, но и идеальным героем. Одной из главных отличительных черт эпического героя от эпического врага является социальное одиночество первого. К врагам и предателям эпическая среда относит и тех, кто не соблюдает моральные принципы «своего» мира, не соответствует народным идеалам героизма.

4. Значительное место в ингушских песнях уделено женским образам, при этом особенно идеализируются образы матери и обездоленной девушки. Мать, жена, любимая и сестра героя часто выступают активными эпическими фигурами.

5. Язык героико-эпических песен имеет ряд особенностей, он насыщен разнообразными тропами, большую часть текста в них занимает прямая речь, в песнях много гипербол, эпитетов, сравнений, метафор, проклятий, благопожеланий и т.д. Часто речь эпических героев и эпических врагов используется для усиления контраста между ними.

6. Зарождение, бытование и творческое развитие жанра или приходится на период с XVI по XIX в.в. Во второй половине XIX века из-за ряда причин сильно изменились уклад жизни, психология, менталитет, иерархия системы ценностей значительной части ингушского народа. В результате этого с конца XIX века началось исчезновение ингушской эпической среды и угасание жанра или. В настоящее время процесс затухания ингушской эпической традиции можно считать завершенным.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах автора:

1. Матиев М.А. Трансформация ингушских героико-эпических песен в иные жанровые системы. // Тезисы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения известного ученого и просветителя Ахриева Ч.Э., Магас, 2000. С.13-14.
2. Матиев М.А. К истории создания и бытования жанра ингушских героико-эпических песен. // Ингушетия на пороге нового тысячелетия. Тезисы докладов научно-практической конференции Ингушского государственного университета. Назрань, 2000. С.14-15,
3. Матиев М.А. Конь и оружие героя в ингушских героико-эпических песнях. // Материалы научной конференции,

посвященной культуре и истории ингушского народа. Назрань, 2002. С.87-92.

4. Матиев М.А. Идеализация обездоленного героя в героико-эпических песнях ингушей. // Материалы научной конференции, посвященной 150-летию Чаха Ахриева. Назрань, 2000. С.78-83.

5. Матиев М.А. Героико-эпические песни ингушей и действительность.//Матиев М.А. Ингушский песенный эпос или и действительность. Сборник статей. Назрань, 2000. С.20-29.

6. Матиев М.А. Особенности языка ингушского песенного эпоса или. // Материалы второй межвузовской научной конференции «Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность». Карачаевск, 2001.С.202-205.

7. Матиев М.А. Современное состояние жанра ингушских героико-эпических песен. // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции. Москва - Ставрополь, 2001. С.189-191.

8. Матиев М.А. Женские образы в героико-эпических песнях ингушей. // Матиев М.А. Ингушский песенный эпос или и действительность. Сборник статей. Назрань, 2000. С.12-16.

9. Дахкильгов И.А., Матиев М.А. Ингушские героико-эпические песни (на инг. яз.). (Статья). // Ингушские героические песни (на инг. яз.). Сост. Матиев М.А. Магас, 2002. С.273-322.

10. Матиев М.А. Эпические герои и эпические враги в героико-эпических песнях ингушей. // Сборник тезисов республиканской научной конференции «Современные подходы в исследовании проблем истории и языка ингушского народа». Магас, 2002. С.31-36.

11. Матиев М.А. Основные сюжеты и темы ингушского песенного эпоса или// «Вузовское образование в современных условиях».

Тезисы докладов научно-практической конференции Ингушского государственного университета. Магас, 2002.С.16-18.

12. Матиев М.А. О самых надежных «товарищах» героя ингушских героико-эпических песен. // «Вузовское образование в современных условиях». Тезисы докладов научно-практической конференции Ингушского государственного университета. Магас, 2002.С.23-25.

13. Матиев М.А. К проблеме историзма ингушских героико-эпических песен// Мурад Базоркин и ингушская историческая наука. Всероссийская научная конференция. Сборник тезисов. Магас, 2002. С.78-82.

14. Матиев М.А. К истории записи и публикации ингушских героико-эпических песенУ/ Сборник научных трудов Ингушского государственного университета. Магас, 2003. С. 187-191.

Матиев Магометбашир Адамович

Автореферат.

ИГУШСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ЭПОС ИЛИ

Подписано в печать 20.04.2004. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 1,25. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Росполимаш»

360004, КБР, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 162.

#11095